

Використані джерела та література:

1. Васильев О.А. Развитие производных сил, науки и техники как главный фактор, что определяет социально-политическую трансформацию современных держав / О.Васильев // Зовнішні справи. – 2014. – №9. – С. 44–47.
2. Васильев О.А. Влияние внутренних и внешних факторов на общественно-политическую трансформацию Казахстана / О.Васильев // Зовнішні справи. – 2016. – №1. – С. 52–55.
3. Инновационное направление современных международных отношений / А.В. Бирюков, Е.С. Зиновьева, А.В. Крутских и др. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 295 с.
4. Информация о Казахстане. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : kazembassy.com.ua.
5. Лагард К. Казахстан: готовность к следующему этапу преобразований / Кристин Лагард. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.kazpravda.kz.
6. Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к обществу всеобщего труда / Н.А Назарбаев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.strategy 2050. Kz
7. Новицкий В.С. Міжнародна економічна діяльність України: Підручник / В.С. Новицкий. – К. : КНЕУ, 2003. – 948с.

УДК 321.6/8(575.4)

Жангожа Р.Н.

ТУРКМЕНСКАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОМУ МИРУ

В статье анализируются особенности транзита государственно-политической системы Туркменистана после распада СССР, среди них почти полное отсутствие демократических традиций, диктаторский режим, культ личности правителя, закрытость страны от мира и др.

Ключевые слова: Туркменистан, Ниязов, Бердымухаммедов, диктатура, культ личности, идеологические доктрины.

Жангожа Р.Н. Туркменська модель державного устрою як виклик сучасному світові

У статті аналізуються особливості транзиту державно-політичної системи Туркменістану після розпаду СРСР, серед них майже повна відсутність демократичних традицій, диктаторський режим, культ особи правителя, закритість країни від світу та ін.

Ключові слова: Туркменістан, Ніязов, Бердимухаммедов, диктатура, культ особи, ідеологічні доктрини.

Zhanzhoga R.N. Turkmen model of government as a challenge to the modern world

This article analyzes the features of the transit state and political system of Turkmenistan after the collapse of the Soviet Union, including the almost complete lack of democratic traditions, dictatorship, personality cult of the ruler, the closed country of the world and others.

Keywords: Turkmenistan, Niyazov, Berdymukhamedov dictatorship, personality cult, ideological doctrine.

Самая закрытая страна постсоветского пространства Туркменистан остается terra incognita для политических экспертов. Попасть в Туркменистан представляется крайне сложным, поскольку въезд в страну регулируется визовым режимом и дополнительными проверками спецслужб.

Туркмения – 5-я в мире по запасам природного газа [5]. Обладает вторым по величине газовым месторождением в мире. С 1993 г. в Туркмении существуют лимиты на бесплатную электроэнергию, водопользование и газопотребление, не имеющие аналога во всем мире. Однако последние события на мировых рынках природного газа, связанные с резким падением закупочных цен, самым негативным образом сказались на состоянии финансово-экономической системы страны и, соответственно, на жизнь рядовых граждан. Валютный рынок в стране официально закрыт, импорт многократно сократился, а продажа хлопка-сырца за границу не выдерживает жесткой конкуренции со стороны других стран-производителей этого сырья.

Государственное и социально-политическое устройство Туркменистана представляет собой весьма своеобразную гибридную модель, составляющие блоки которой – бывшая советская партийная номенклатура во главе с первым секретарем коммунистической партии С. Ниязовым, переформатировавшего свою должность в лидера влиятельного родоплеменного объединения – теке и, далее, в Отца нации – Туркменбаши. При помощи полной узурпации всех уровней властных институтов, он сумел построить жесткий авторитарный режим и классическую тоталитарную диктатуру.

Эта диктатура, совмещающая в себе характерные черты коммуно-большевистских и фашистских режимов, диктатур стран «третьего мира» и средневековых восточных деспотий, по степени репрессивного контроля над обществом, мало чем отличается от латиноамериканских, африканских и северо-корейских режимов.

Объективные предпосылки происшедшего с Туркменистаном «сбоя» политико-эволюционного развития лежит за пределами нашего анализа, поскольку этот политический феномен представляется объектом для всестороннего исследования, которое в настоящий момент весьма затруднено по причине герметичной закрытостью страны.

Можно лишь предполагать, что характер смены советского тоталитаризма на тоталитаризм Туркменбаши, был обусловлен целым рядом факторов. В том числе – архаичным, даже в сравнении с среднеазиатско-советским, характером туркменского общества.

Отсюда, почти полное отсутствие демократических традиций, крайняя немногочисленность и изолированность социальных слоев, где могли бы зародиться зачатки современного гражданского общества. И, наоборот, высокая степень консолидации правящей верхушки в лице первого президента Туркменистана С. Ниязова и его ближайшего окружения. Верхушка, которая, несмотря на относительную узость своей регионально-клановой базы, смогла удержать и укрепить господствующие позиции в государстве и обществе, подавив всех потенциальных соперников из числа других регионально-клановых группировок. Видимо, нельзя недооценивать и личные качества С. Ниязова, который оказался весьма талантливым учеником предыдущих «вождей», что в немалой степени поспособствовало его превращению из услужливого студента-сироты по кличке Сахарок и невзрачного первого секретаря республиканской компартии в богоподобного Туркменбаши – «Отца всех туркмен».

После обретения Туркменистаном независимости первые заявления нового-старого руководства, в общем, соответствовали характерному для рубежа 80-х – 90-х гг. XX в. «духу времени»: главной целью провозглашалось построение демократического правового государства, где граждане, вне зависимости от национальной или религиозной принадлежности, будут обладать всем комплексом прав и свобод. Где гарантируется идеологический и политический плюрализм и так далее. Однако, одновременно концепция «Туркменской модели развития», сформулированная президентом С. Ниязовым, акцентировала внимание на постепенном отходе туркменского общества от советской системы к демократии. При этом особо подчеркивалось, что главную роль в этом процессе должно играть государство.

Туркменские государственные идеологи принялись обосновывать ведущую роль государства, ссылаясь на национально-культурные традиции и особенности менталитета туркмен. По утверждению одного из авторов государственно-идеологической концепции Туркменистана М. Хаитова: «Для туркмен государство в отличие от жителей Запада – это

не «ночной сторож», не организация, наблюдающая за порядком в обществе [2].

Патерналистская природа создаваемого государства была закреплена в первой статье Конституции Туркменистана 1992 г., где главной государственной задачей была объявлена «защита в нынешних непростых условиях подавляющего большинства населения, обеспечение ему гарантированной помощи, не выбрасывая людей за борт» [3].

Формировавшаяся в Туркмении идеологическая конструкция изначально содержала тезис об эксклюзивности избранного пути, опирающегося на национальные традиции. Президент Ниязов, в частности, заявлял: «Мы изучили все формы правления в контексте их применимости у нас, и выгодные, полезные для нас принципы использовали в своей практике, совместив их с теми принципами, что довели до совершенства наши предки». Отсюда следовал тезис о «национальном бесклассовом обществе принципиально нового типа, не имеющего аналогов в исторической ретроспективе и в современном мире, организм которого трансформируется в справедливое, правовое общество всеобщего благоденствия, в котором все будет подчинено благополучию и процветанию человека»[1].

Халк Маслахаты (высший представительный орган) присвоил Сапармураду Ниязову фамилию Туркменбаши («Отец туркмен»), в декабре 1999 г. – объявил Туркменбаши пожизненным президентом, а в мае 2001 г. - Гуманитарная ассоциация туркмен мира предложила присвоить Туркменбаши титул Бейик (Великий) [2].

Бывшие чиновники, утратившие расположение Ниязова, покидали страну в целях личной безопасности, а некоторые, назначенные послами, попросту не возвращались на родину и уже за рубежом объявляли себя оппозиционерами.

Один из ближайших соратников Ниязова на начальном этапе обретения независимости, бывший министр иностранных дел Борис Шихмурадов смог организовать более-менее консолидированное оппозиционное движение бывших госчиновников, как за пределами Туркменистана, так и внутри страны. В ноябре 2002 г. эта группа предприняла, по ее определению, «мирную попытку отстранения Ниязова от власти». Попытка путча закончилась массовыми арестами, обвинениями в «покушении на жизнь Туркменбаши», покаянными выступлениями

«заговорщиков» по телевидению и длительными сроками тюремного заключения. После этих событий о какой-либо оппозиции режиму в рядах чиновничества ничего не известно.

Определенную угрозу «идейно-политическому единству» туркменского общества представлял родоплеменной трибализм и региональная клановость. Выступая на VI Совещании старейшин Туркменистана, С. Ниязов заявил: «Основа всех основ – единение туркменских племен и родов... Среди некоторых руководителей ходят разговоры о преимуществе одних племен и родов перед другими... Первейшим условием упрочения Туркменского государства является единство и сплоченность туркмен... все мы братья, все мы – единый народ»[2].

С целью борьбы с клановостью, был издан закон, запрещающий совместную работу родственников и земляков или лиц, принадлежащих к одному племени, в одной и той же госструктуре. Каждый чиновник при назначении на должность был обязан предоставить свою родословную до третьего колена. Однако данная проблема не исчерпывалась клановым присутствием в госструктурах. Еще с советских времен существуют достаточно влиятельные и богатые семьи почти в каждом племени, во всех регионах Туркменистана. Ниязов, обрушившись на клановые авторитеты, тем самым сильно ослаблял тот или иной клан: проводились аресты, реквизиции под надуманными и реальными предлогами. Но на масштабные чистки Ниязов все-таки не шел – не желая спровоцировать массовые мятежи, он предпочитал «точечные удары».

Что же до национальной интеллигенции, то после распада СССР, правящий режим проводил планомерное уничтожение условий ее существования. В 1998 г. была закрыта Академия наук Туркменистана, и большинство ведомственных институтов, ликвидированы почти все творческие союзы, произошли масштабные сокращения врачей и учителей. Все известные ученые, писатели, журналисты, артисты, архитекторы, врачи, преподаватели вынуждены были покинуть страну. Оставшиеся же были обречены на идеологическое обслуживание режима под жестким контролем идеологов аппарата президента и «недремлющего ока» КНБ.

В 1995 г. около 200 человек, в основном молодежь, вышли на одну из площадей Ашхабада. Основным требованием демонстрантов была смена режима, уход президента Ниязова. Все демонстранты были

немедленно арестованы, а организаторы приговорены к различным срокам заключения.

Полагая, что молодежь «слишком долго» учится, Ниязов перевел среднее образование на 9-летнее обучение, а вузы – на 2-летнее. В Туркменистане не осталось даже видимости свободы печати, все СМИ были унифицированы, запрещен доступ в Интернету, резко ограничено вещание зарубежных телеканалов.

Религиозная политика режима также была направлена на «огосударствление» мечети. Тем более, что суннитская ветвь ислама, исповедуемая в Туркменистане абсолютным большинством населения и адаптированная местными народными традициями, никогда не представляла сколько-нибудь серьезной угрозы для сменяющихся на протяжении всей истории страны властей и не принимала агрессивных форм. После десятилетий главенства в идеологическом пространстве Туркменистана атеизма ислам восстановил свои позиции в обществе, что обеспечило лояльность религиозных авторитетов в период становления независимости.

Культ личности президента, при всем том, что он стал стержнем государственной идеологии, нуждался в более широкой идеологической основе. И такой основой вполне логично стал этнокультурный проект места туркмен в историческом пространстве мира. Туркменскую историю стали вести от мифологического хана Огуза, якобы жившего примерно 6000 лет назад. Главным историческим исследователем стал сам глава страны, написавший в 2001 г. монументальное произведение «Рухнама».

Историческая концепция, изложенная в «Рухнаме» достаточно проста – многие империи, существовавшие после Огуз-хана, объявляются в той или иной степени «туркменскими», даже, к примеру, Парфянское царство Аршакидов (III в. до н. э. – III в. н.э.), а все тюркские династии – туркменскими. Наиболее яркой эпохой туркменской истории считается время туркмен-сельджуков. Альп Арслан и султан Санджар, жившие в XI – XII вв. были провозглашены «выдающимися вождями туркменского народа». Этот период объявлялся первым «Золотым веком всех туркмен», после которого наступил многовековой упадок. Российский и советский период трактуется крайне отрицательно – российская и советская власть препятствовали превращению Туркменистана в «процветающий край» и тормозила приход нового «Золотого века всех туркмен». Отсюда логично

вытекало, что приближение «Золотого века» связано исключительно с появлением на исторической арене автора «Рухнамы».

Если рассматривать «Рухнама» с точки зрения ее научных достоинств, то это довольно хаотичное и бессистемное произведение, основанное на эклектичном сочетании некоторых положений Корана, вольного изложения туркменских традиций, а также на авторском, мягко говоря, произвольном толковании туркменской истории. Но в условиях Туркменистана, откуда ко времени выхода книги, были изгнаны ученые-историки и просто образованные люди, ничто не могло помешать признанию «Рухнама» в качестве духовного кодекса туркмен.

Для построения национального бесклассового общества, не имеющего аналогов в мировой истории, был необходим социум, в котором все его граждане живут едиными стандартами и устремлениями. Именно для формирования осознанного стремления была предназначена эпохальная «Рухнама» – ее в обязательном порядке стали учить в школах и вузах с последующей сдачей экзаменов. Готовность граждан Туркмении активно участвовать в движении к «Золотому веку» власти стимулировали не только духовно – доходы от экспорта газа позволили бесплатное пользование для населения газом, водой, электричеством и солью, хотя это никак не компенсировало ужасающую безработицу и низкий уровень жизни. Прежде всего, в сельской местности.

Внезапная смерть Туркменбаши в 2006 г. и приход к власти его преемника Гурбангулы Бердымухаммедова («Аркадага» - «Покровителя») стали причиной некоторой модернизации правящего режима и его идеологии. На первом этапе, ставка делалась на преемственность идеологии – и не только потому, что, вопреки ожиданиям определенной части туркменского общества, никаких либерально-демократических послаблений не предусматривалось. Правящая верхушка опасалась, что любое проявление политических свобод разрушит страну. Под лозунгами сохранения стабильности в обществе, власть сохранила авторитарно-тоталитарные основы режима в неизменной форме. Бердымухаммедову необходимо было некоторое время, чтобы выстроить свой культ личности. Создать собственный образ так, чтобы отличаться от прежнего лидера, одновременно сохраняя его выигрышные черты. В общество внедрялся положительный образ молодого президента-«реформатора», обещающего кардинальные преобразования, но почитающего старших и предков и

одновременно отказывающегося от самых экстравагантных жестов и поступков своего предшественника.

В первые годы правления Бердымухаммедова культ «Рухнамы» сохранялся, но теперь акцент делался не на ее автора, а на содержание книги. Примерно с 2008 г. цитаты из «Рухнамы» уже не каждый день украшают газеты, а из программы телевидения исчезли регулярные чтения «священной» книги. Примерно в те же годы началось постепенное отступление от наиболее одиозных идеологических «новаций» первого президента: из «Клятвы Туркменистана», которую давал каждый гражданин, имя Туркменбаши было заменено на слово «президент». Убран золоченый профиль Туркменбаши с заставок туркменских ТВ и газет, вывезен из центра на окраину Ашхабада самый известный – золотой памятник Ниязову. В школах и вузах было возвращено 10-летнее и пятилетнее обучение; восстановлены упраздненные Академия наук Туркменистана (2009), Национальный театр оперы и балета. Заново были открыты закрытые районные больницы.

В течение 2007 г. идеологи Бердымухаммедова обновляли идеологическую доктрину, в которой предполагалось мягко отказаться от ряда прежних норм и усилить имидж нового «президента-реформатора». В результате в январе 2008 г. Бердымухаммедов презентовал новую идеологическую доктрину «Эпохи Великого Возрождения», которая поначалу подавалась, как развитие идеи «Золотого века», но позднее произошло изъятие тезиса о преемственной связи «Великого возрождения» с «Золотым веком». Бердымухаммедов заговорил о системном переустройстве всего хозяйственно-экономического комплекса, которое выведет страну на уровень развитых государств мира и обеспечит народу достойную жизнь. Главным механизмом достижения этой цели президент определил «поэтапный переход на рыночные отношения». Причем основную ставку в этой работе должна была делаться на ускорение научно-технического прогресса и на расширение международного сотрудничества.

Очевидно, что новые идеологемы, в первую очередь, предназначались для Запада. В частности, провозглашалась идея строительства в Туркмении гражданского общества, широко декларировались изменения, связанные с функционированием правовых институтов и пр. В 2012 г., наряду с правящей Демократической партией,

появилась вторая политическая партия – Партия предпринимателей. И ей даже разрешили участвовать в парламентских выборах. Однако иллюзий по этому поводу никто не испытывает – пока альтернативные партии не имеют своей социальной и электоральной базы основы тоталитарного режима, остаются неизменными и непоколебимыми.

Если же рассматривать «имитационно-модернизационные» действия властей, то, со всей очевидностью представляется, что основные усилия современных туркменских идеологов направлены на замену культа личности Туркменбаши на культ личности Аркадага. В этом деле они вполне преуспели. Бердымухаммедов по слухам «пишет» свою книгу – по аналогии с «Рухнамой». В полном соответствии с диктаторским правлением в туркменском формате предпринимаются попытки канонизации семьи и предков Аркадага.

Таким образом, на примере Туркмении, а теперь уже и Узбекистана, можно разочаровать оппозиционеров, которые пассивно ждут смерти диктаторов как начала позитивных преобразований.

«Герметичность» социально-политической ситуации блокирует поступление необходимой информации и формирование гражданского общества и его политических институтов. Любой диктатор не вечен. Но здесь важнее другое. Находясь на вершине властной пирамиды, личность диктатора деперсонифицируется, поскольку она репрезентует интегративную функцию неких политических групп. Транзит власти – это всегда селекция, но выбор нового лидера невелик, поскольку он, особенно на первых порах, должен соответствовать формату прежнего лидера.

Туркменская оппозиция представлена на двух уровнях – в тюрьмах и в вынужденной эмиграции. По мнению представительницы туркменской оппозиции Г. Таганбердиевой, оставшаяся в стране интеллигенция либо громогласно славит президента, либо парализована страхом. Отсутствие альтернативной информации привели к массовому зомбированию основной части молодого поколения. Те, кто получил более-менее сносное образование, либо пополняет лояльное чиновничество, либо эмигрирует. Региональные кланы, скорее всего, испытывают недовольство произволом правящей группировки, однако, будучи терроризированы и деморализованы, последние пока не имеют сил для более-менее осмысленного противодействия «башизму». Между тем, большинство населения пребывает в нищете, но это не конвертируется в протест из-за

низкого уровня образования, а так же финансовой и психологической зависимости от власти [4].

В последнее время появляется информация, что в Туркменистане уже существуют радикальные исламистские группы, которые приступили к активной подпольной работе и массовой агитации среди населения. Некоторые эксперты полагают, что эти группы пока еще не многочисленны и не имеют достаточной социальной базы. По этим причинам они могут стать серьезной угрозой для режима лишь через лет 10-15. Однако практика показывает, что протестная масса может выступить консолидированной политической силой не читая доводы кабинетных экспертов.

Использованные источники и литература:

1. Горак С., Рязанова С. Мифологическое и религиозное в идеологии постсоветского Туркменистана / С. Горак, С. Рязанова // Журнал ПОЛИТЭКС. – [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.politex.info/content/view/214/30/>
2. Калишевский М. Туркменистан: Из «Золотого века» в «Эпоху Великого Возрождения» / Михаил Калишевский // Информационное агентство «Фергана.Ру». – 11.12.2013. – [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.fergananews.com/articles/7974>
3. Конституция Туркменистана. – [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.parliament.am/library/sahmanadrutyunner/turqmenistan.pdf>
4. Таганбердиева Г. Революция в Туркменистане: мифы и реалии / Гозель Таганбердиева. – [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://hem.lidnet.se/~agzybirlik/revturkm.htm>
5. : <http://hem.lidnet.se/~agzybirlik/revturkm.htm>
6. ТОП 10 газовых империй мира / FranchExpert. – [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.franchexpert.ru/node/194>

УДК: 332.122 (575.1)

Рахматуллаев Ш.М.

ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА НА РУБЕЖЕ 1980-1990-Х ГОДОВ: СИМПТОМЫ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ УЗБЕКИСТАНА

В статье с междисциплинарных позиций анализируется социально-экономические процессы в Ферганской долине накануне обретения независимости Республикой Узбекистан. При помощи компаративного анализа акцентируется внимание на актуальных проблемах экономики и социально-демографического состояния региона в этот рубежный момент.

***Ключевые слова:** демография, занятость, кризис, население, противоречия, регион, социальная сфера, тенденции, уровень благосостояния, Ферганская долина, экономическое развитие.*